

И. Шмерлина

Отъезд за границу сегодня: трудности интерпретации

В сознании любого общества существует набор тем, особенно “сензитивных” в ценностном отношении. Их переосмысление всегда идет трудно, неровно, сопровождается конфликтами и искажением привычной картины мира.

Тема межгосударственной мобильности, расширения “ареала обитания” российского человека в этом плане достаточно показательна. Она высвечивает те идеологические наслоения, которые приходится преодолевать либерализующемуся массовому сознанию, выводит на поверхность плохо стыкующиеся между собой установки из числа тех, что определяют отношение людей к происходящим вокруг них процессам.

“Простые русские ищут, где им лучше”

Во времена не столь давние несанкционированный переезд советского человека за границу квалифицировался обществом как непростительное преступление против Родины. Сегодня отъезд на временное или постоянное жительство за границу воспринимается как весьма распространенный тип жизненных траекторий, которые обычно прокладываются через работу, брак, учебу.

“Раньше там... а сейчас к этому стали как-то просто, проще относиться, более лояльно, уехал – уехал...” (ДФГ, Москва)¹.

“Кто едет продолжать учебу либо реализовывать... как-то продвигаться по карьерной лестнице – тоже обычные люди...” (ДФГ, Воронеж).

По мнению респондентов, участвовавших в массовом опросе на эту тему², российские граждане чаще всего едут за границу “за богатством”, “на заработки”, “за долларами” или “длинным рублем” – подобные ответы дали 46% респондентов, когда их спросили “Как Вы думаете, зачем сегодня люди уезжают за границу на длительный срок?” (вопрос задавался в открытой форме). По мнению каждого четвертого (27%), люди отправляются за рубеж “не от хорошей жизни”,

¹ Дискуссионные фокус-группы проведены 26 июня 2007 года в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

² Опрос населения от 30 июня – 1 июля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся ссылки на этот опрос.

“чтобы жить по-человечески”, “пожить в свое удовольствие, как нормальные люди”.

Кто-то думает, что люди уезжают из страны, в которой “жить невозможно: преступность, коррупция”; они “боятся здесь оставаться” и едут туда, “где более стабильная обстановка”, где “живут по законам” (3% участников массового опроса).

“Да, немало людей, которые хотят безопасной жизни. Это тоже один из стимулов переезда за границу. Вот из разговоров моих друзей и знакомых. Есть какой-то хутор, который можно купить и поселиться там жить. Но они приходят к выводу, что именно криминогенная обстановка не позволит там нормально жить. Вот это яркий пример, как мне кажется... То есть о хуторах речь не идет. Только там, где общежитие, где побольше людей, – там еще может быть побезопасней. А за границей – пожалуйста” (ДФГ, Санкт-Петербург).

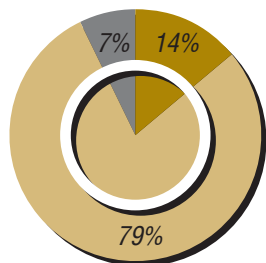
Каждый десятый участник массового опроса считает, что россияне обычно уезжают за рубеж “в поисках работы”, а каждый двадцатый – что они “хотят мир посмотреть”, “познать другую жизнь”; “посмотреть, как люди живут в других странах”. Некоторые респонденты говорят, что люди едут в другие страны “за образованием”, “для повышения знаний”; “квалификации” (3%); другие полагают, что туда стремятся те, кто уже обладает высоким уровнем знаний и профессиональных возможностей, чтобы “реализовать себя в жизни по-крупному” (3%). Некоторые (3%), интегрируя в той или иной степени доводы, приведенные выше, говорили, что россияне уезжают за границу, чтобы остаться там навсегда.

Отвечая на прямо поставленный вопрос “Как Вы думаете, большинство россиян, уезжающих за границу на длительный срок, собираются остаться за рубежом навсегда или собираются вернуться обратно?”, 33% респондентов выбрали первый вариант ответа, а 38% – второй. Последнее мнение (“собираются вернуться обратно”) чаще других высказывали граждане, имеющие высшее образование (46%). Не смогли или не захотели ответить на этот вопрос 29% респондентов.

“Уезжают на заработки, а там уже как сложатся обстоятельства. Они смотрят, если им лучше там, чем здесь, они могут остаться” (ДФГ, Воронеж).

Людей, уезжающих за границу навсегда, сегодня осуждают немногие – судя по полученным данным, 14% наших сограждан (чаще остальных – люди пожилые

Одни люди осуждают россиян, которые навсегда уезжают за границу. Другие не видят в этом ничего дурного. Скажите, пожалуйста, а Вы лично осуждаете или не осуждаете россиян, которые навсегда уезжают за границу?

- осуждаю
- не осуждаю
- затрудняюсь ответить

Начало истории русской эмиграции принято возводить к XVI веку – ко времени Ивана Грозного: первым политическим эмигрантом в таком случае был князь Курбский. Век XVII ознаменовался и первыми “невозвращенцами”: ими, судя по всему, стали те молодые дворяне, кого Борис Годунов послал в Европу учиться, но в Россию они не вернулись. Самые известные российские эмигранты дореволюционного времени – это, пожалуй, Гоголь, Герцен, Тургенев (Франция и Германия, 1847–1883), Мечников (Париж, 1888–1916), Пирогов, Ленин и Горький, а самый известный “командировочный” – скорее всего Тютчев.

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

и малообразованные: 26% и 24% соответственно), в то время как порядка 80% опрошенных сказали, что ничего предвзятого в этом не видят (7% не имеют определенной точки зрения). Распределение ответов среди тех, у кого есть родные или знакомые за границей, еще более смещено в сторону толерантного отношения: в этой группе осуждают уехавших навсегда 9%, а 89% их не осуждают³.

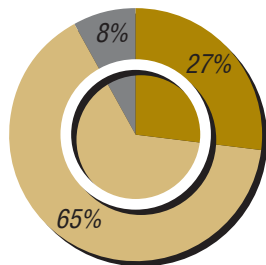
Конечно, и сегодня иногда звучат высказывания, квалифицирующие смену страны обитания как предательство Родины, в высшей степени безнравственный поступок.

“Измена России”; “я считаю их предателями”; “бросают Россию, Родину”; “их не считаю за россиян”; “не патриоты”; “не любят Родину”; “на Родине надо оставаться”; “русский должен жить на Родине”; “где родился – там и живи”; “никакого патриотизма”; “им не нравятся русские люди”; “предатели России, которая их вырастила и воспитала”; “здесь родились и надо дальше жить” (7%; ответы на открытый вопрос “Почему Вы осуждаете россиян, навсегда уезжающих за границу?”).

Чаще, однако, это явление воспринимается как оправданный (в той или иной мере) поиск человеком своего места в жизни, своей ниши в глобализирующейся внешней среде.

³ Родные и / или близкие, уехавшие за границу, есть примерно у трети (36%) россиян (чаще других об этом говорили жители Москвы – 56%, высокообразованные граждане – 52%, относительно обеспеченные респонденты – 50%); у 62% никто в близком окружении из страны не уехал. Большинство из тех, кто имеет родных или знакомых, осевших за рубежом, поддерживают с ними отношения (59%, или 21% по выборке в целом); не поддерживают – 40% этой группы (14% от общего числа опрошенных).

Скажите, пожалуйста, Вы осуждаете или не осуждаете ученых, которые уезжают работать в зарубежные исследовательские центры?

- осуждаю
- не осуждаю
- затрудняюсь ответить

В ходе обсуждения темы миграции на фокус-группах звучали, конечно, и осуждающие высказывания (мы приведем их ниже), однако в большинстве случаев участники придерживались либерального взгляда на проблему – в диапазоне от отстраненно-толерантного (“Мне параллельно просто. У всех своя жизнь – кто как хочет, так и решает...” – заявил участник московской фокус-группы) до одобрительного отношения.

“Люди ищут свой путь в жизни, ищут, как себя выразить наиболее максимально, скажем так, как получить со своих знаний, со своих умений максимальный доход, который мог бы обеспечить их, их семью” (ДФГ, Воронеж).

“В принципе это их право... Кто как, кому как удобней, кому как выгодней в конце концов. Кому как больше нравится – то есть здесь или там” (ДФГ, Москва).

“Я считаю, что у каждого человека есть право выбора и его надо уважать. Люди едут зачем-то, значит, им нужно это... Нет, мое отношение однозначное – что я уважаю любое мнение чужого человека, и каждый считает... живет так, как считает нужным, и надо уважать это решение” (ДФГ, Москва).

В восприятии значительной части россиян отъезд за границу превратился в привычное, едва ли не рядовое событие. Неслучайно при обсуждении этой темы участники воронежской фокус-группы незаметно перешли к внутрироссийским миграционным процессам.

1-я участница: У нас знакомые жили в Польше и вернулись в Россию. Сказали, что сейчас в Польше обстановка намного хуже и с работой, и с качеством жизни, поэтому вернулись сюда, хотя прожили там долгое время... Сначала им очень там понравилось, а потом как-то... И они уехали в Москву. В Москве больше перспектив.

2-я участница: Да, сейчас в Москву едут многие. <...>

3-я участница: В Москве работы больше стало появляться, люди едут на заработки туда в основном. Платят нормально. <...>

4-я участник: Москва – это Россия” (ДФГ, Воронеж).

Двойной стандарт

Если “простых людей”, переселяющихся в другие страны, наши сограждане порицают редко, то по отношению к представителям интеллектуальной элиты, уезжающим из страны даже на время, они настроены более жестко. Доля осуждающих крупных российских ученых, которые отбывают на работу в зарубежные исследовательские центры, составляет 27% – то есть вдвое превышает число тех, кто осуждает “простых граждан”, покидающих Россию навсегда. Чаще всего неодобрительно в адрес таких ученых высказываются люди с невысоким уровнем образования (40%), пожилые (39%), малообеспеченные граждане (35%) и жители сел (36%).

Подобный “двойной стандарт” проявился и во время групповых дискуссий. Как только речь заходила об отъезде за границу не “простых людей”, а ученых, оценки и тональность разговора сильно менялись.

“Модератор: Я поняла, что большинство относится положительно.

Участник ДФГ: Что касается простых людей, то да. А вот если это спортсмены, тренеры, ученые...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

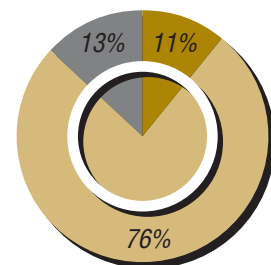
“По-моему, они (обычные, «простые люди» – И. Ш.) только уважения заслуживают. Это рациональные люди, которые умеют устраивать свои планы. Планы их опираются на вполне реальную почву. И они эти планы реализуют за границей. Реализуют самих себя... Я лично с уважением отношусь. Потому что они очень рационально поступают. Конечно, если не брать большой пласт людей, что называется утечкой мозгов. Вот там несколько иначе все обстоит” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“К ученым – конечно, отрицательно” (ДФГ, Воронеж).

Противоположную – толерантную – позицию в отношении ученых, уезжающих за границу, занимают две трети респондентов (65%). Особенно характерна эта позиция для жителей Москвы и других мегаполисов (78% и 76%), людей, получивших высшее образование (77%), относительно обеспеченных (73%) и молодых (72%). Ответы тех, кто имеет родных и знакомых, уехавших за рубеж навсегда, также несколько отличаются от общего распределения по выборке: в этой группе осуждают ученых 17%, не осуждают – 77%.

При этом три четверти россиян (76%) воспринимают переезд крупных российских ученых на работу в зарубежные исследовательские центры как негативное явление. К позитивной оценке данного явления склоняются 11% опрошенных; 13% затруднились сказать что-либо определенное на этот счет. Показательно, что практически такое же распределение ответов получено в группе респондентов, у которых есть родные или знакомые, уехавшие за рубеж навсегда. В то же время в Москве негативно оценивают переезд крупных ученых за рубеж 81% (при том, напомним, именно москвичи реже всех в принципе осуждали ученых, поступающих таким образом).

Особая категория людей, уезжающих за границу на длительный срок или навсегда, – это крупные ученые, которых персонально приглашают зарубежные исследовательские центры. Как Вы считаете, это хорошо или плохо, что крупные российские ученые уезжают работать в зарубежные исследовательские центры?

- хорошо
- плохо
- затрудняюсь ответить

Как правовое понятие эмиграция в дореволюционном российском законодательстве отсутствовало. Переход россиян в иное гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего нужно было ходатайствовать о продлении срока. В противном случае человек утрачивал гражданство и подлежал, в случае возвращения, аресту и вечной ссылке; имущество же его автоматически переходило в Опекунский совет. Начиная с 1892 года, эмиграция допускалась лишь применительно к евреям: но им в таком случае категорически воспрещалась любая форма репатриации.

До середины XIX столетия и сами по себе случаи эмиграции были едва ли не единичными. Потом они несколько участились (главным образом по политическим мотивам), но число прибывающих в Россию неизменно превышало число ее покидающих. И только накануне и, в особенности, после крепостной реформы 1861 года положение серьезно изменилось: выезд за рубежи России, а стало быть и эмиграция, стал поистине массовым явлением.

Эмиграцию дореволюционную обычно делят не на хронологические волны, а на четыре типологические группы со смешанными основаниями деления: трудовая (или экономическая), религиозная, еврейская и политическая (или революционная). В первых трех группах безоговорочно преобладала межконтинентальная эмиграция (главным образом в США и Канаду), а в случае политической эмиграции – от Герцена и до Ленина – всегда доминировало европейское направление

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

Отвечая на открытый вопрос «Почему Вы считаете, что это плохо, когда крупные российские ученые уезжают работать в зарубежные исследовательские центры?», респонденты чаще всего говорили об «утечке мозгов», пагубно сказывающейся на развитии нашей науки (30%).

Впрочем, в аргументации респондентов не всегда разделялась оценка самого явления научной эмиграции и отношение к людям, эту эмиграцию олицетворяющим, в силу чего при ответе на открытый вопрос часто звучали аргументы морального плана («так как мы рождены в России и должны дышать российским воздухом и жить здесь», «должны работать на благо Родины», «страна их выучила, а они на дядю работают» – 22%).

Многие (13%) видят в факте отъезда ученых за рубеж свидетельство того, что «страна о них плохо заботится». В результате такой миграции, как подчеркивали 7% участников опроса, «страна приходит в убыток», «подрывается наша экономика, наш фундамент страны». На том, что Россия теряет научные идеи и разработки, в том числе секретные, акцентировали внимание 3% респондентов.

«Патриотизм»: индивидуальные версии прочтения

Как известно, открытые вопросы эксплицируют существующий репертуар доводов и оценок в «выпаренном виде» (расклассифицированные ответы на открытый вопрос – это своего рода «гербарий» обыденной аргументации). Групповые дискуссии имеют здесь то очевидное преимущество, что позволяют проследить за развитием соответствующих аргументов, суждений, оценок в их живой, «естест-

венной среде”. Подобное “натурное наблюдение” за обыденной аргументацией показывает, что в отношении кученым, отъезжающим за границу, стягиваются основные болевые моменты восприятия российской эмиграции как таковой. В зоне этой проблемы либеральные импульсы массового сознания сталкиваются с культурно-ценностными установками, “настоянными” на идеологии советских времен, и это приводит к фрагментарному, расколотому видению проблемы миграции.

Подчеркнем, что в данном случае есть основания говорить не просто о дифференцированном состоянии массового сознания (что является его естественным состоянием, если понимать под дифференцированностью наличие разных точек зрения на одну и ту же проблему, воплощающих установки различных социальных субъектов). Раскол – это одновременное сосуществование в сознании субъекта противоречивых, конфликтующих точек зрения. В нашем случае подобный раскол имеет крайнее, индивидуализированное воплощение. Показательным в этом отношении персонажем будет участник воронежской фокус-группы – А, мужчина 28 лет, с высшим образованием, оператор ПК, принимавший активное, заинтересованное участие в обсуждении. Приведем три фрагмента его включений в групповую дискуссию.

“1-й участник: Уезжают на заработки, а там уже – как сложатся обстоятельства. Они смотрят: если им лучше там, чем здесь, они могут остаться.

2-й участник – А: Все зависит еще от патриотизма, начнем с этого. То есть даже если там лучше, но у человека есть желание вернуться...” (1)

“Модератор: А как вы вообще относитесь к тем людям, которые уезжают за границу?”

1-й участник: Я положительно отношусь.

2-й участник: Спокойно абсолютно.

3-й участник – А: Абсолютно. Люди ищут свой путь в жизни, ищут, как себя выразить наиболее максимально, скажем так, как получить со своих

Доля осуждающих крупных российских ученых, отбывающих на работу в зарубежные исследовательские центры, составляет 27% – то есть вдвое превышает число тех, кто осуждает “простых граждан”, покидающих страну навсегда

После революции на повестке дня оказался вопрос о создании нового пограничного режима, призванного охранять молодую республику до тех пор, пока мировая революция не покончит с самой необходимостью границ. Новое законодательство резко ужесточило порядки, существовавшие при царе.

Созданная 28 мая 1918 года пограничная служба должна была взять на себя функции надзора, включая и такие, как пресечение попыток тайных перевозок товаров и тайного перехода сухопутных и морских границ РСФСР. Вскоре были созданы таможи и пограничные заставы. Согласно декрету от апреля 1919 года заграничные паспорта, до того времени выдававшиеся подотделом НКВД, некоторыми местными советами и другими организациями, теперь мог выдавать только НКВД, которому вменялось в обязанность выдавать паспорта только тем лицам, отъезд которых “не вызывал возражений” со стороны народных комиссариатов военных и внутренних дел. Были разработаны меры по предотвращению проникновения в пределы РСФСР граждан враждебных государств и выдворению тех, которым это все же удавалось сделать.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.

знаний, со своих умений максимальный доход, который мог бы обеспечить их, их семью. Совершенно нормально.

Модератор: А патриотизм как же?

3-й участник – А: А при чем тут патриотизм? Если страна в данном случае не совсем в состоянии, скажем так, обеспечить, удержать этих людей на своей территории, удержать именно своих родных людей, ну, тут, извините, это вопрос уже больше к власти, нежели к этим людям, которые уезжают отсюда” (2).

“1-й участник – А: ...если это... действительно человек науки, и он занимает достойное положение, достойное его знаниям, все-таки его эта страна выучила, дала ему то положение, которое у него есть, и он после этого пытается перебраться за границу, пытается работать и на другое государство, используя эти знания, тут отношение уже в принципе отрицательное.

2-й участник: А если реализовать эти знания ему тут не дают, тогда что ему делать?

1-й участник – А: Это понятно. Но я, скажем, будь на месте этого человека, в любом случае этого я не сделал бы. Ради даже престижа страны” (3) (ДФГ, Воронеж).

В отношении к миграции явно просматривается зона “когнитивного диссонанса”, образованного конфликтом между рационально-прагматическим и ценностно-идеологическим компонентами обыденного сознания. Первый компонент, как правило, задает ракурс восприятия “обыденной”, второй – научной эмиграции.

Обратимся еще раз к типичным доводам против отъезда ученых.

“...Я тогда не очень, вот я лично. Я считаю, лучшие вот так обмениваться опытом, а ученые должны быть здесь, здесь они получили образование, здесь их выучили, здесь их учителя – живы или умерли – и так далее, и тому подобное, я считаю, что здесь должна быть...” (ДФГ, Москва).

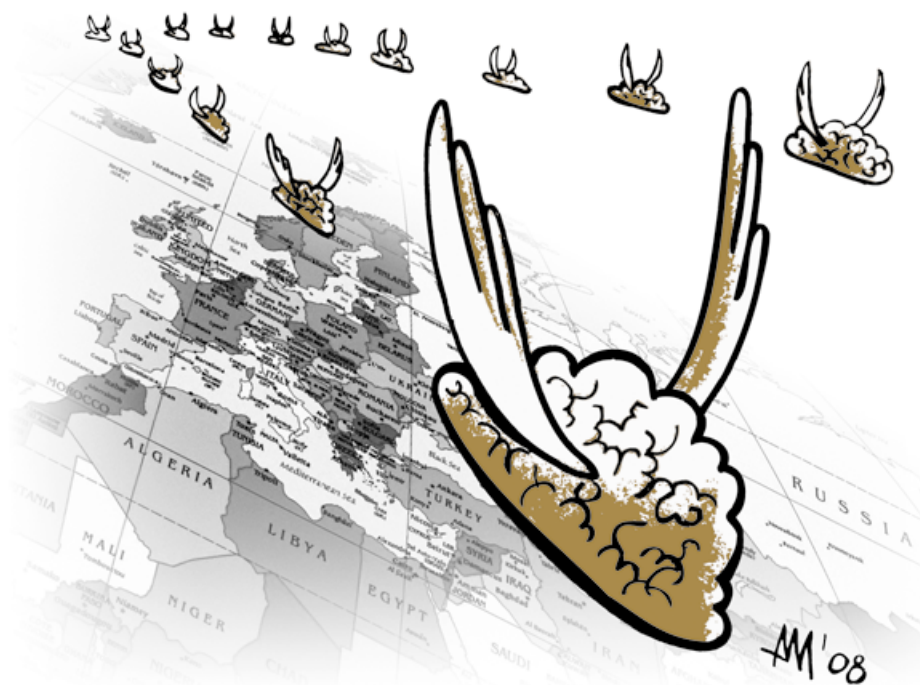
Аргумент “отдачи долгов” Родине, которая выучила, звучит не слишком убедительно. Не в меньшей степени он обоснован и в отношении инженеров, наладчиков, врачей и прочих специалистов, которых Родина тоже учила и от которых также ждет реализации полученных знаний (заметим, что в известном – практическом –

Новый (советский) режим создал немало бюрократических барьеров на пути частных граждан, пожелавших покинуть страну. 3 июня 1919 года на НКВД была возложена обязанность получать от всех советских организаций, направлявших своих работников по служебным делам за границу, документы, удостоверяющие необходимость такой поездки, и гарантии их преданности и лояльности.

Еще более строгие правила для получения заграничного паспорта были установлены 10 мая 1922 года. Поездки за границу отныне проводились лишь “по особому разрешению” НКВД. Ко всякому обращению на этот счет должна была прилагаться справка из ГПУ, свидетельствующая об отсутствии законных препятствий для совершения такой поездки данным лицом. За такой справкой можно было, в свою очередь, обратиться только по предъявлении шести документов, включая поручительство двух граждан РСФСР, не состоявших прежде под судом и не находившихся под следствием, а также справку с места работы, подтверждающую отсутствие возражений к его отъезду. Паспорт был действителен лишь на шесть месяцев.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.

смысле отдача для общества от добросовестного грамотного профессионала более существенна, нежели от ученого, работающего в terra incognita – непредсказуемом пространстве науки). Между тем, данный аргумент воспроизводится как один из наиболее апробированных и утвердившихся в массовом сознании. Очевидно, что без отсылки к патриотическим ценностям он просто не работает.

Патриотизм, национальная гордость, престиж страны – именно эта аргументация, взятая из репертуара патриотической риторики советских времен, выступает в качестве наиболее весомого и для многих людей бесспорного основания возражений против отъезда ученых за рубеж. Эта риторика различима и в ответах на открытый вопрос, и вполне отчетливо звучит в рассуждениях участников групповых дискуссий (вспомним респондента А, который, по его словам, отказался бы от своих научных идей “ради... престижа страны”).

В индивидуальном сознании разных людей “фактор патриотизма” имеет, конечно, разный вес. Для кого-то это – действительно ценность, имеющая интенсивную эмоциональную окраску и задающая силовое поле нравственных оценок (здесь осуждению подвергаются скорее случаи бытовой, а не научной миграции – см. приведенные ниже рассуждения участницы В). Для других обращение к патриотическим доводам выступает скорее как “культурно отработанный” и воспроизводящийся едва ли не на уровне вербального рефлекса риторический прием, плохо или никак не сочетающийся с доводами другого порядка. Пример такого рода бытовой риторики дают рассуждения следующей участницы.

“Ну, не знаю. Родина есть Родина.... Ехать в никуда и неизвестно там, что тебя ждет, чего-то страшно. Правильно говорится: если бы какие-то родственники, вот действительно... А так ехать никуда, нет, я бы не поехала. Лучшие жить в бедности” (ДФГ, Москва).

В ситуации, когда альтернативой научно-исследовательской деятельности выступает выращивание морковки на садовом участке, патриотическая риторика начинает звучать нелепо, смешно и абсурдно

Начав с идеологической заповеди (“*Родина есть Родина...*”), участница тут же переходит к вполне разумным и убедительным прагматически-бытовым доводам (“*если бы какие-то родственники, вот действительно...*”).

Другая участница, рассуждая о “*самой патриотичной из всех*” русской нации, не видит ничего непатриотичного в отъезде за границу “*простых людей*”, но в отношении “*спортсменов, тренеров и ученых*” тут же вводит в действие аргументацию идеологического плана.

“Что касается простых людей, то да. А вот если это спортсмены, тренеры, ученые! ...Вот мне кажется, что русская нация – самая патриотичная из всех. И судьбу нашей России мы сами делаем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Согласно патриотической установке такого рода, “*ради... престижа страны*” интеллектуальные ресурсы лучше держать внутри своих границ. Однако в ситуации, когда альтернативой научно-исследовательской деятельности выступает выращивание морковки на садовом участке (ниже мы приведем соответствующую цитату), патриотическая риторика начинает звучать нелепо, смешно и абсурдно. Это отмечают и некоторые из респондентов.

“Вот у меня есть знакомый – он академик, все такое. И когда в 90-х начался развал, то ему предлагали уехать. И он до сих пор только кичится, что вот он когда-то не уехал. И семья у него живет в нищете. И все говорят, какой он молодец. Наоборот, он бы больше сделал для России, если бы тогда уехал! Не надо было уезжать на постоянное, его на работу туда приглашали. Он бы, наоборот, Россию прославил своими мозгами. А они у него заплесневели теперь... Пусть он откроет там новый закон, если он физик или химик. И мы будем им гордиться!” (ДФГ, Санкт-Петербург; участница В).

В фрагменте выступления, приведенном выше, звучат как минимум три аргумента в пользу отъезда ученых за рубеж: аспект самореализации (чуть ниже мы приведем ряд высказываний, в которых он представлен еще более отчетливо), аргумент “от науки” (его выдвигали и другие участники: “*они же науку двигают, во благо...*” – ДФГ, Москва), и фактор патриотизма, понимаемого в экстратерриториальном измерении. Последний хорошо сформулирован в рассуждениях участника петербургской фокус-группы.

“Меня и раньше удивляло, и сейчас удивляет. Если человек переехал из Германии во Францию или из Франции в Испанию, то никто по этому поводу руки не заламывает и не бьется головой об стенку. А у нас, если человек переехал из Петербурга в Финляндию, уже начинаются такие эпохальные разговоры. Вот он предал Родину! Или надо его жалеть. Это глупость полнейшая... Мне кажется, что это комплекс неполноценности... Если ты ощущаешь себя русским, ты можешь эту русскость нести где угодно, в любом месте земного шара. И в то же время уважать те традиции, которые там” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Подобное понимание патриотизма, выраженное в парадоксальной и несколько легкомысленной форме, мы находим и в рассуждениях участника московской фокус-группы.

Патриотизм, национальная гордость, престиж страны – именно эта аргументация, взятая из репертуара патриотической риторики советских времен, выступает в качестве наиболее весомого и для многих людей бесспорного основания возражений против отъезда ученых за рубеж

“А я вообще считаю: пускай наши заселят всю планету... Везде Россия будет” (ДФГ, Москва).

Однако “все не так просто”...

1-й участник: Тут все не так просто. Я не могу понять ученых, которые отказываются от гражданства США в случае выезда туда на постоянное место жительства, в то время как в России им ничегошеньки не предлагают, чтобы они реализовывали свои научные идеи. Вот он выращивает морковь у себя на даче и гордится тем, что отказался предать Россию и выехать в США. Хотя ему там предоставляли лабораторию. Вопрос тут не такой простой.

2-я участница – В: Скользкий” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Последняя реплика кажется очень симптоматичной. При всей убедительности рациональных доводов в пользу отъезда ученых, ситуация все равно выглядит “скользкой” – ее нравственное обоснование кажется женщине не до конца убедительным. Заметим, что эту реплику подала участница В – та, что осуждала академика с “заплесневевшими мозгами”. Эта женщина – еще один показательный персонаж наших дискуссий. Любопытно, что по всем значимым социально-демографическим “маркерам” она – почти полный антипод участника А. Если тот – молодой мужчина с высшим образованием, профессионально связанный с современными компьютерными технологиями, житель российской глубинки, то В – женщина средних лет, со средним образованием, жительница Санкт-Петербурга, работающая в торговле. В ее отношении к российской эмиграции также противоречиво сталкиваются рациональные и ценностно-идеологические мотивы. Однако результат этого “когнитивного диссонанса” – иной, чем в случае А. Участница В видит в отъезде ученых “меньшее из зол”: “хорошо тем, что это <научные разработки. — И. Ш.> не пропадают. Они хотя бы там еще что-то откроют”. Впрочем, если при этом определяющую роль в ситуации будет играть материальный фактор, поведение уезжающего, по мнению участницы, тут же утратит свое нравственное оправдание.

1-й участник: Если ученому там дают возможность получить лабораторию, свою тему развивать, то что в этом плохого?

2-я участница – В: А вот если здесь меньше предложили, а там – больше, то это, конечно, плохо” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Что же касается “простых людей”, то здесь участница В расстается со всеми своими нравственными сомнениями и встает на твердую жизненную позицию.

1-я участница – В: Мало того что я бы не хотела уехать, я бы не хотела, чтобы дети мои уезжали.

Модератор: А почему?

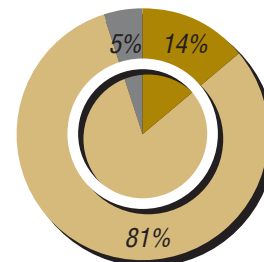
1-я участница – В: Я бы посчитала, что я их очень плохо воспитала.

2-й участник: Почему так?

1-я участница – В: Ну, не знаю. У меня такое восторженное отношение было к Родине, мы гордились, когда были пионерами” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Фактически это – ценностная установка, которая не проблематизируется и, как и все ценностные установки, в проблематизации не нуждается. Другие участники, не разделяющие ее, видят здесь реликт советского сознания.

Скажите, пожалуйста, а Вы лично хотели бы или не хотели бы уехать за границу навсегда – то есть на постоянное место жительства?

- хотел(-а) бы
- не хотел(-а) бы
- затрудняюсь ответить

“Это старые КГБшские предрассудки. Мне кажется, что раньше этого не было, это пережиток поздней советской эпохи” (ДФГ, Санкт-Петербург).
 “Это феномен закрытости, который культивировался советской властью на протяжении 70 лет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Эмиграция” или “мобильность”

Фактически отношение россиян к переезду сограждан, будь то крупные ученые или “простые люди”, на постоянное или длительное жительство за границу задается двумя интерпретационными схемами: в первой ключевым словом выступает “эмиграция”, во второй – “мобильность”. В первом случае главный вектор рассуждений задан ценностью патриотизма, во втором – ценностью самореализации личности в глобализирующемся мировом пространстве. Описывая свои представления о том, какие люди уезжают за границу, участники дискуссии, вольно или невольно, исходили именно из этих интерпретационных схем. Приведем характерные высказывания, репрезентирующие каждую из них.

Мобильность и самореализация	Эмиграционная схема
<p>“...слабый не поедет, да, туда едут оптимисты, ученые... который действительно знает, чего хочет, знает, какие исследования, там еще что-то, – он поедет, не раздумывая ни о чем... А вот слабые... они будут сидеть вот на рынках там, закрылся ихний институт, не закрылся там или еще что-то, он может пойти на рынок, там еще что-то” (ДФГ, Москва).</p> <p>“Если человек стремится... знает, чего он хочет, осуществляет свою цель, то мне кажется, что это хорошо. Даже если у него там что-то не сложится и он вернется, он будет знать, что его ожидало там. Надо действовать” (ДФГ, Санкт-Петербург).</p> <p>“...в основном они (ученые – И. Ш.) как бы не материалисты... Мое мнение, я же говорю: если бы они не были связаны здесь, то от хорошей жизни бы никто не уехал, именно по специальности, по своей профессии, по своим там исследованиям, если здесь, как говорится, закрываются эти ихние там, скажем, лаборатории... он свою любимую работу хочет продолжить, дальше искать себя, в чем-то проявлять, в чем-то... и поэтому как бы я приветствую, например, чтобы не деградировать себя...” (ДФГ, Москва).</p> <p>“Допустим, у них есть такое оборудование, где он может продолжить свои работы. Научные работы... Это творчество, как поэзия, как что-то другое, понимаете, в чем дело? Здесь у него нет такой возможности, чтобы продолжить свою работу. Он может смело туда ехать. Он никакие секреты наши государственные не продает, ничего” (ДФГ, Воронеж).</p>	<p>“Модератор: ...какая-то часть людей уезжает из России. Как вам кажется, по каким причинам? 1-я участница – В: Неправильное воспитание. Нет патриотизма. ...Я считаю, что какая-никакая Родина, но надо любить ее. <...> Модератор: Меня интересуют те, кто уезжает именно на постоянное место жительства. <...> 1-я участница – В: Те, которые думают, что хорошо там, где нас нет. Неудачники. 2-й участник: Это смелые и решительные люди. 1-я участница – В: ...это не решительные и смелые, а кому терять нечего, я так считаю. Решительные и смелые, если у них тут что-то есть, зачем им на это решаться? Модератор: А как вы относитесь к людям, которые уезжают за границу на постоянное место жительства? 1-я участница – В: Сочувственно... Мне жалко этих людей... Мне кажется, что уж очень они были обижены, чтобы такое сказать. Вот переехал в соседний двор – так и то хочется через несколько лет прийти и посмотреть. Вот тут я в детстве в песочнице играл. Чувство двора даже. А если он говорит, что больше никогда сюда не приедет, то представляете, как ему тут было плохо?” (ДФГ, Санкт-Петербург).</p> <p>“Двойное отношение... С одной стороны, в принципе, понять их (людей, уезжающих за границу. – И. Ш.) можно, конечно, страна наша их бросила, и, можно сказать, у нас сейчас борьба за выживание. А с другой стороны, я считаю, у России были трудные времена, и не только сейчас, всегда были трудные времена, но как-то люди старались сами строить, сами заботиться... Я считаю, просто страну мы строим сами, поэтому как-то вот так разбегаться в разные стороны – это вообще не выход. Я не знаю, мне так кажется” (ДФГ, Воронеж).</p> <p>“Модератор: Так в каких случаях отношение может быть положительным?.. Участница ДФГ: Когда человек, в принципе, не представляет из себя такой потенциал для страны. Модератор: Тогда пускай едет? Участница ДФГ: Мне кажется, что да. Ну, например, девушка хочет выйти замуж, она не заморачивается какой-то карьерой, ну, может быть, она и с образованием, но не планирует в дальнейшем себя как-то развивать, а планирует выйти замуж. Пожалуйста, пусть едет, там выходит замуж. Хотя тоже как-то жалко...” (ДФГ, Воронеж).</p>

Мобильность и самореализация	Эмиграционная схема
<p>“Участник ДФГ: <i>Российский или не российский – он (ученый – И. Ш.) имеет право работать там, где для него самые хорошие условия. Вот немец Эйлер работал в России. И еще кучу ученых работали у нас: Бернулли... Гуманитарии, архитекторы. Иностранцы, которые работали в России. И почему-то никто не говорил, что они предатели. Им тут создали условия – и они работали здесь... До революции русские писатели жили за границей, там работали, потом приезжали сюда, потом опять уезжали за границу. И никто тут ничего такого не видел.</i></p> <p>Модератор: <i>Но я говорю о постоянном месте жительства.</i></p> <p>Участник: <i>А что такое постоянное место жительства? 20 лет я живу там, 10 – тут. Потом опять 20 там... что такое постоянное место жительства?”</i> (ДФГ, Санкт-Петербург).</p>	<p>“<i>Но мне жалко, когда уезжают выдающиеся умы, потому что вот смотришь на этих высоких деятелей, слушаешь их и думаешь: как часто у нас не хватает мозгов! В политике, в управлении. Они есть, но им не дают возможность реализоваться. В любом случае мне жалко, когда выдающиеся ученые, пусть даже во благо ему, уезжают в лучшие условия”</i> (ДФГ, Санкт-Петербург).</p> <p>“1-я участница: <i>Ну если они там закрепились, ну, так сказать... главное – чтобы потом назад не просились... если что-то там не получилось, назад сюда в Россию... Ну, если там закрепились, ради бога, флаг им в руки, если они там закрепились, главное, чтобы...</i></p> <p>Модератор: <i>А Вы говорите, главное – чтобы назад не просились, в смысле если они начнут проситься, то какое отношение к ним уже?</i></p> <p>1-я участница: <i>Ну, я патриот, если ты уехал, все, сказал А, значит А, а Б – это уже немножко другое.</i></p> <p>2-я участница: <i>Такие люди патриотами зовутся?</i></p> <p>1-я участница: <i>Ну а что, это тоже где-то, извините меня, а зачем тогда... а что же получается... По любым странам и континентам – это немножко другое уже называется, термин надо применить.</i></p> <p>Модератор: <i>А какой?</i></p> <p>1-я участница: <i>Мне не хочется... грубо...”</i> (ДФГ, Москва).</p>

Какая из этих схем “вернее”? По-видимому, на этот вопрос нет однозначного ответа. Ведь речь идет о ценностях, задающих те или иные “естественные установки” к миру, – а они не могут быть правильными или неправильными. ■

Волны эмиграции из СССР

Российская эмиграция после 1917 года, эмиграция из Советского Союза состояла как бы из четырех эмиграционных “волн”, резко отличающихся друг от друга по причинам, географической структуре, продолжительности и интенсивности эмиграции, по степени участия в них евреев и т. д.

Первая волна (1918–1922) – военные и гражданские лица, бежавшие от победившей в ходе революции и Гражданской войны советской власти, а также от голода. Эмиграция из большевистской России, по разным оценкам, составляла от 1,5 до 3 млн. человек. Однако (за исключением разве что “философских пароходов” с полутора сотней душ на борту) это все-таки были беженцы, а не депортанты.

Вторая волна (1941–1944) – лица, перемещенные за границы СССР в ходе Второй мировой войны и уклонившиеся от репатриации на родину (“невозвращенцы”). Наш анализ принудительной репатриации советских граждан привел нас к оценке числа “невозвращенцев” не более чем в 0,5–0,7 млн. человек, включая и граждан прибалтийских республик (но не включая поляков, вскоре после войны репатриировавшихся с территории СССР).

Третья волна (1948–1989/1990) – это вся эмиграция периода “холодной войны”, так сказать, между поздним Сталиным и ранним Горбачевым. Количественно она укладывается приблизительно в полмиллиона человек, то есть близка результатам “второй волны”.

Четвертая волна (1990 по настоящее время) – это, по сути, первая более или менее цивилизованная эмиграция в российской истории. Как отмечает Ж.А. Зайчовская, “...она все больше характеризуется чертами, типичными в наше время для эмиграции из многих стран, предопределяется не политическими, как прежде, а экономическими факторами, которые толкают людей ехать в другие страны в поисках более высоких заработков, престижной работы, иного качества жизни и т. п.” Ее количественные оценки нужно обновлять ежегодно, поскольку волна эта хотя уже и не в самом разгаре, но далеко еще не закончилась.

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.